

(1) ПОТЕРЯННОЕ СОКРОВИЩЕ

Начинающий поэт Иннокентий Редькин бродил по Птичьему рынку. Его мысли тоже бродили по кругу, неизменно возвращаясь к одному и тому же. Это было следствием очередного грандиозного скандала, в котором участвовали: с одной стороны - сам Редькин, с другой - его жена и обожаемая теща. Как обычно, поражение потерпел именно он. Покинув поле битвы площадью 16 кв. м, он почему-то направился на Птичий рынок.

Бродил он довольно долго, а когда уже выходил из ворот, услышал негромкое фырканье. Оглянувшись, Иннокентий увидел: в углу уже опустевшего рынка, рядом с такими реальными прилавками и кучами мусора, стоял и фыркал совершенно нереальный в этой обстановке Пегас. Начинаящий поэт моргнул и обалдел. Пегас подошел к нему и ткнулся совершенно реальными теплыми губами в поэтическую шляпу Редькина. Незамыслимо определив по этой шляпе принадлежность Иннокентия к шумной когорте начинающих поэтов, он удовлетворенно по лопывал крыльями по своим гладким бокам.

- Берешь? - деловито осведомился он звучным баритоном.

- Вас?... Тебя?... Мне... Да я... - оглушенный неожиданным счастьем поэт ликорадожно сорвал с себя шарф и нежно укутал им холениую шею Пегаса. Гордо вскинув голову в предвкушении будущих успехов, Редькин повел Пегаса за собой, но, введя крылатого скакуна в подъезд, неожиданно вспомнил о своих шестнадцати кв. метрах, которые к тому же время от времени служили полем битвы. Но отступать было поздно, и он открыл дверь родной квартиры.

- Мама! Редькин кобылу привал! - истерически взвизгнула жена. Мгновенно показавшись в дверях кухни, обожаемая теща мрачно констатировала:

- Так. Теперь конину хвать станем.

Затем начался самый непринужденный разговор, в котором Редькин почти не участвовал, несмотря на отчаянные попытки объяснить разницу между кобылой и конем, не говоря уж о разнице между конем и Пегасом. В конце концов Редькин был выставлен за дверь вместе со своей находкой.

Он повел Пегаса в укромное место, часто спасавшее его от домашних циклонов и ураганов.. Это был гараж, где стоял со ранившейся от редькинской ярости мопед и где беглец иногда между пустыми канистрами писал вдохновенные стихи для многотиражки местной противопожарной охраны.

На следующий день, прихватив с собой клочок сена и заветную тетрадь, давно уже купленную в надежде на какое-то особое вдохновение, Иннокентий явился в гараж.

- Ну что, поработаем? - срывающимся от волнения голосом спросил он.

- А это что? - полюбозытствовал Пегас, кивая в сторону сена.

- Для тебя, Пегасик. Это сено. Подкрепись, - с материнской нежностью проворковал Редькин. И поднес сено прямо к изумленной морде Пегаса.

- Мне? Сено? Да что я, лошадь?! Вообще-то я ем только саяма, а пью толь-

ко хороший коньяк...

- А можете, вы еще и курите?..- вырвалось у оторопевшего Редькина.

- Конечно! Мой прежний хозяин, так легкомысленно потерявший меня, приносит только "Мальборо". И вот еще что, дорогуша: мрачноватую тебя здесь. Да и запах... Я так работать не могу. Повеси бы пару плакатиков со скачек, молоденькие лошади чтоб... в цвете... Креслица там всякие, столик, цветочки... Вот тогда и посмотрим. - и Пегас отвернулся, считая разговор законченным.

Редькин был поражен. Он машинально поднял ко рту клок сена и неожиданно стал его жевать, пятясь к двери. Потом он пришел в себя и здраво рассудил, что это его шанс, который упустить нельзя. Конечно, коньяк, "Мальборо" и какие-то салыжи - это деньги. Да и достать трудновато. Впрочем, все устроилось как нельзя лучше. Денег Редькин занял, а коньяк, "Мальборо" и килограмм салыжи достал ему поэт Эдик. Редькин застал его, как всегда в кафе "Мороженое", больше известное среди местной элиты как "Пти-Пари". Правда, никто не знал, почему Эдик - поэт, но все знали, что он может всё.

Вечером в совершенно преобразившемся гараже не было ни одной канистры, в воздухе пахло чем-то весьма ароматическим и тонким, а на стенах висели изображенные в цвете фаворитки скакового сезона. Пегас вальяжно сидел в кресле, потягивая коньяк и с наслаждением затягиваясь сигаретой. Дав крылатому скакуну упиться ощущением привычного уюта, Редькин напомнил:

- Мне бы стихи...

- На какой мне подвизаешься? - оторвав взгляд от плаката, спросил Пегас.

- Что-нибудь про пожарников, в многотиражку...

- Что?! - Пегас поперхнулся коньяком. - Стихи моего прежнего хозяина, мэтра Н., печатались только в центральной прессе!

Редькин покраснел, тербя в руках наброски, уже сделанные им для упомянутой многотиражки. И замаялся. Пегас, увидев в руке поэта листок, сказал:

- Ладно. Зачти!

И Редькин, давясь энтузиазмом, прочитал:

- Я воспою профессию твою, Пожарник смелый и прекрасный. Ты на работу, как в бой, Несешься на машине красной...

- Повремени, Иннокентий, - сказал Пегас. Затем он ловко отстегнул свои крылья, по-видимому, необходимые для такого уровня, на мгновение задумался и продекламировал:

- Звезды Вселенной. Огонь Аполлона. Но не обхочь им меня...

Редькин обомлел и икнул, а Пегас завершил строфу совершенно роскошно:

- Ибо не спишь на земле утомленной Ты, укротитель огня!

С этого дня началось совместное творчество Редькина и Пегаса: поэт приносит наброски, а Пегас мгновенно видоизменял их так, что их автор взлетал на седьмое небо, блаженно бляя и унося стихи в какую-нибудь многотиражку.

И вот однажды, прежде чем заблывший от восторга Иннокентий усекал, Пегас обратился к нему:

- Дорогуша! Конечно, служебное собаководство, спасение на водах, борьба с алкоголизмом и охрана памятников - дела нужные. Но, мой юный друг, Ты способен на большее. А не замануться ли нам на один из центральных журналов, где мы часто паслись с моим прежним хозяином? Там и уровень повыше, и гонорар... - и он выразительно скосил глаза на опустевшую тару из-под "Камо".

- Гм, да... Ка-какой журнал? - протухшим голосом спросил Редькин.

Когда Пегас ответил, у начинающего поэта от священного ужаса зашевелились волосы на голове. Крылатый скакун, видя замешательство Иннокентия, встал с кресла, тряхнул великолепной гривой, и взглянув на плакат, пропел:

- Ночь вежурным веером манет, Обвевает прохладой своей, И висит черный креп между балон, Черный бархат лежит мех полей...

Когда Пегас замолк, Редькин вспотел.

- И я... могу под этим... подписаться?.. Под ЭТИМ?..

- Конечно, дорогуша. Но... - и Пегас еще выразительней указал на пустой столик.

Содружество Редькина с Пегасом дало свои плоды. На юбилеях многочисленных обществ, прессу которых поэт представлял, его приглашали в президиум. Даже областные газеты иногда брали его стихи. Но с "толстыми" журналами ему не везло. Это теперь мучило Иннокентия. Тем более, что в этих самых журналах он часто видел сти и метра Н., оставшегося теперь без крылатого сокровища. Опусы метра стали совершенно бесцветными, но регулярно появлялись в "толстых" журналах. Редькину было обидно. Ко всему прочему, содержать Пегаса стало очень накладно ввиду все увеличивающихся долгов. Так прошло месяца три-четыре. Поэт стал подумывать о том, что не следовало бы ему Брат Пегаса. Крылатый скакун, почуввав настроение озяна, сказал ему как-то:

- Имени у тебя, дорогуша, нет! Другое дело - метр Н.! А что такое Редькин?..

И Иннокентий решился. Он отвез Пегаса в столицу, нашел дачу метра Н. Метр собственноручно открыл калитку.

- Возьмите,- сказал с дрожью в голосе Редькин.- Возвращаю вам ваше сокровище.

Метр удостоил обоих бесцветным взглядом и ледяным тоном произнес:

- Дорогуша, я стар для шуток. Зачем мне эта кобыла?

Он закурил "Мальборо", стараясь не глядеть на Пегаса, который нервно прядал ушами. Обескураженный Редькин трусливо заметил:

- Но... ведь это не лошадь... Это же ваш Пегас...

- Мой? Пегас? Во-первых, мой юный друг, Пегасы - такая же чушь, как, например, Аполлон. А во-вторых, уж если вы тешились мифологией, то на Пар-

нас я взбирался самостоятельно, без всяких там коней. Что называется, на гризи... э-э-э... вернее, через тернии к звездам. Вот так, дорогуша!

Клопнув калиткой перед мордой ошарашенного Пегаса, он уверенно прошёл через двор и скрылся в саду.

В электричке е яли молча. Слишком болезненным был удар. Может быть, для Пегаса даже более болезненным, чем для Редькина. Крылатый ~~сидел~~, хорошо понимая, что возвращаться в провинцию для него нет резона, сказал поэту:

- Что-то, видимо, изменилось. Когда мы с мэтром начинали, все было по-другому. Пегасов тогда ценили... Знаешь что, Кеша? Поезжай-ка ты один...

- А ты? - томко, спросил Иннокентий.

- А я - на Птичий. Авось и пригожусь еще кому-нибудь... Только знаешь, выжили мне тот плакатик с лошадкой. Ты знаешь, какой...

- Но как я тебя найду?

- Очень просто. Читай журналы, Кеша. Я без работы не останусь...

И Редькин вернулся домой один. И по сей день он роется в журналах, узнавая знакомый стиль под разными подписями. Хочет выполнить просьбу - но не может. Почерк остается тем же - имена авторов меняются.

С кем же ты теперь, Пегас?
